

СТАТЬИ

А.С.Панарин

Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы

I. Девяностые годы: смена исторических вех

Девяностые годы отмечены сменой крупных вех, касающихся культурно-исторического самосознания народов России, Европы, а, может быть, и всего мира. Совсем недавно "постсоветское" обществоведение праздновало освобождение от формационной догматики в пользу цивилизационного подхода. Это означало, во-первых, выход из социалистического гетто, отгороженного от остального мира и защищающего эту отгороженность с помощью тезиса о "непримиримом противоборстве двух миров", двух образов жизни и т.п.

Альтернатива цивилизационного подхода возвращала к некоторому социокультурному универсализму, к идее единого человечества, в котором "нет ни эллина, ни иудея", что предвещало и практическое возвращение страны в лоно единой мировой цивилизации. Во-вторых, это означало новую секуляризацию и демилитаризацию общественной жизни в бывших социалистических странах, население которых страдало от деспотичной власти, олицетворяемой двумя архаичными институтами: партийной теократией, ревниво следящей за тем, чтобы никакое цветение жизни не нарушало аскезы "революционного завета", и армей-

ской казармой, когда все подданные рассматриваются как стоящие под ружьем. Альтернативная им идея нового мирового порядка основывалась на сочетании пацифизма и эмансипаторства, хотя и принимающего сомнительно-гедонистический образ "единого потребительского общества".

Наконец, цивилизационная идея была связана с ожиданием того, что опасная стихия революционного скифства, выступающего под лозунгом: "в переходную эпоху все позволено", будет, наконец, укрощена, подчинена порядку, закована в гранит цивилизованных правовых, моральных и культурных норм.

Эсхатологические ожидания конца старого мира должны были смениться стабильным срединным временем, равно удачным и от варварских стихий начала истории, и от роковых развязок ее конца. Соответственно торжеству срединного времени провозглашалось в торжестве укорененного в цивилизации среднего класса над всеми социальными маргиналами, всеми изгоями цивилизации.

Катастрофа наступила, как всегда, внезапно и при этом в открытой еще ветхозаветными пророками "диалектической" форме: кульминационный момент торжества обернулся моментом краха, падения.

Примат цивилизационных ожиданий "нового мирового порядка" и возвращения в "европейский дом" укреплял положение лево-либерального демократического лагеря в России. Смена мироощущения в духе геополитической доминанты дала основания для резкой активизации сил, принадлежащих правой части политического спектра - государственников, державников, патриотов и "национал-патриотов". Как бы сегодня ни называть их, невозможно игнорировать тот факт, что их сознанию открываются те реалии нового государственного, геополитического положения России в мире, которые демократические "оптимисты" предпочитали не замечать.

Эта поразительная нечувствительность к столь резкому понижению страны в статусе и связанным с этим опасностям не могла не дискредитировать правящую "демократию", что и сказалось на результатах декабрьских (1993 г.) выборов в Федеральное собрание.

В прежние времена в качестве главного препятствия цивилизационного процесса воспринимался Советский Союз - оплот внутреннего и внешнего пролетариата, постоянный нарушитель Хельсинских соглашений, преграда на пути объединения всей Европы. Внезапная "безоговорочная капитуляция" Советского

Союза, потерпевшего поражение в холодной войне с Западом, стала одновременно и кульминацией цивилизационного процесса, и его крушением.

С одной стороны, произошла небывалая в истории России переориентация правящей элиты на ценности "атлантизма", провозглашено твердое намерение вернуть страну в "европейский дом". Эталонное в цивилизационном отношении пространство Запада резко расширилось за счет падения Берлинской стены, объединения Германии, крушения коммунистических режимов от Эльбы до Владивостога.

Но с шоковой для "модернизаторов" неожиданностью выявилась еще и другая сторона: вслед за крушением СССР произошла резкая архаизация всего евразийского пространства: наружу вырвались старые демоны этноцентризма, национализма и сепаратизма; вспыхнули военные конфликты; поднял голову религиозный фундаментализм; на "южном подбрюшье" бывшего СССР стали возникать режимы, весьма напоминающие старые восточные деспотии. Мир гарантированных границ, закрепленных международными соглашениями, внезапно сменился миром, не имеющим территориально-правовых гарантий. Его пространство несет явные черты варварской кочевой динамики, дионисийской стихии, грозящей затопить все границы, сделать проблематичными международные политико-правовые, цивилизованные нормы.

В направлении дробления цивилизационного пространства действует и логика "национального самоопределения". В основе ее лежит "недоразумение века": смешение самоопределения народов и самоопределение наций. Механическое перенесение некоторых западных греческих принципов на почву неевропейских культур часто порождает монстров. Таким монстром стало и пересаженное на неевропейскую почву понятие национального суверенитета. Как справедливо отмечает В.Цимбурский, синкретизм понятия нации в политической лексике Европы мешает европейцам проводить важнейшие дифференциации, касающиеся "суверенитета народа", "национального суверенитета" и "прав этноса". "Традиционное либеральное мышление никогда не хотело всерьез допустить, что в незападных обществах демократизация суверенитета способна выдвинуть на первый план совсем иные его социальные функции, чем в Западной Европе и Северной Америке - вести не к конституционному "народному суверени-

тету", а либо к этнократическому режиму, либо к некоей форме чистой политократии, гражданской или военной"¹.

Логика этой суверенизации возвращает во времена, предшествующие средневековью - к такому пространству, где какой-нибудь устойчивый цивилизационной общности вообще не будет места. Тем, кому пространство Российской "империи" казалось слишком большим, предстоит изведать прелести разорванного и бесконечно сжимающегося пространства - до размеров, в которых могут задохнуться человеческая личность и культура, казалось бы, освободившиеся от державной принудительности.

Недостижимой оказывается и вожделенная цель этнократий - действительный государственный суверенитет. Вне системы единого организованного пространства Евразии ни одно из государств СНГ не в состоянии отстоять свою целостность. Вызов Азербайджану со стороны Карабаха, Грузии - со стороны Абхазии, Молдове - со стороны Приднестровской республики, Татарстану - со стороны фундаменталистов - список можно продолжать вплоть до полного перечисления всех республик СНГ, включая Россию. Да, и Россия бессильна перед демонами националистического сепаратизма, если в ее пространстве действует логика этнической суверенизации.

В ответ на этот вызов этнократические режимы вооружаются стратегией вытеснения некоренных этносов. "Выгнать" инородцев - а в случае их упорства - истребить, "по турецкой модели", чтобы в пространстве стерильной этнической чистоты построить "стройное" здание своей государственности. Добиться этнической чистоты в этнически смешанном - по самой своей природе - мире - значит до полного перечисления геноцид, где каждая новая чистка обнаружит свою недостаточность и потребует новой, еще более "основательной". Однако путь к этнически чистому пространству означал бы к тому же головокружительный провал во времени. Например, стратегия вытеснения русских из Средней Азии и Казахстана грозит попятным движением от постиндустриального и индустриального обществ к доиндустриальному - вплоть до первобытно-кочевнического. Но и претендентам на русскую этнократию не следует обольщаться: идея "чистой русскости" на территории Российской Федерации означала бы аналогичную инволюцию во времени. В этом варианте сказывается забвение того обстоятельства, что динамика русской нации в Евразии

¹ Цимбурский В.Л. Идея суверенитета в посттоталитарном контексте // Политик. 1993. N 2. С. 24.

зии в большей степени, чем всех остальных, с самого начала имела своим источником эту межэтническую социокультурную гетерогенность, сплавленную "идеей". Русские - не столько этнос в традиционном смысле этого слова, сколько общность, организуемая "идеей". И крушение такой идеи, православной ли, коммунистической, неизбежно угрожает расколом и разъединением этого суперэтноса.

В этих условиях активизируется иной, геополитический тип сознания, в чем-то явно альтернативный цивилизационному. Он связан с ощущением состояния мира как войны всех против всех, где никому не гарантировано "жизненное пространство", и где, как и в доцивилизированном состоянии, могут выжить только сильные и до зубов вооруженные.

Вместо предполагающейся цивилизационной презумпции доверия утверждается презумпция всеобщего недоверия, с позиций которого формулируется жесткая дилемма поведения: агрессивное наступление или глухая оборона изоляционизма.

В чем специфика геополитического видения по сравнению с цивилизационным?

Вместо образа единого (или взаимодействующего) мира в геополитическом сознании довлеют различные пары манихейских оппозиций, питающих практику взаимных противостояний. При этом характерной особенностью дихотомий геополитического мышления, в отличие от цивилизационного, является их "натуральный", органицистский характер. Здесь биология, антропология и география берут реванш над социологией. А в глубинном социокультурном смысле натуралистическая парадигма неоязычества - парадигма "крови и почвы" - вытесняет религиозную парадигму духа презумпцию перерепаемой человеческой судьбы, подвластной подвигам ума и совести.

Открытия геополитического неоязычества касались то роковой совместимости лагидского и германского духа (Густав Ле Бон), то противоборства германства и славянства, то противостояния белой и желтой рас, то, наконец, столкновения между морскими и континентальными народами (Ратцель) и близкой этому дихотомии "хартленд-римленд" (Спайкмен).

Нельзя сказать, что перечисленные дихотомии носят бессодержательный, целиком надуманный характер. Некоторые из них

вскрывают весьма важные моменты дифференциации мира и могут служить важным подспорьем политической аналитике и прогностике. Однако, подвергаясь идеологическому отвержению, они утверждаются как вечные, неизбывные, неподвластные каким бы то ни было цивилизационным усилиям человечества. Здесь древняя языческая "правда" неизменного или вращающегося по кругу мира восстает против христианской "правды" перерешаемой судьбы и линейной исторической перспективы, ведущей к конечному торжеству Добра над Злом.

Если пользоваться более поздними "светскими" терминами, геополитический тип сознания утверждает отступление ноосферы под давлением геобиосферы природных детерминаций коллективного человеческого поведения.

Надо сказать, что этот детерминизм содержит в себе один социокультурный парадокс, сообщающий ему убедительность в борьбе с социологической парадигмой Просвещения. Дело в том, что Просвещение целиком отдается сциентистской логике объяснения - картине мира, где нет тайн, связанных с автономным статусом единичного - целостностью, уникальностью, неповторимостью. Не случайно, романтизм в свое время восстал против Просвещения, защищая эстетическую картину мира в противовес аналитической, связанной с торжеством всеобщего над единичным и уникальным.

Геополитический тип мышления в чем-то наследует дух романтической критики Просвещения, утверждая несводимость существования к сущности, феномена - к закону (устойчивой, повторяющейся связи явлений). Но опору уникальности он ищет не во внутреннем мире культуры, а во внешнем мире природы, утверждая непреодолимое давление биологии и географии на историю и конечный реванш над ней.

Геополитическое сознание представляет собой архаичный модус, связанный с реактивизацией дохристианских и до-просвещенческих концептов: концепта природной обусловленности человека (в противовес установкам духовной, а затем и технологической свободы от природных ограничений) и концепта слепой, иррациональной судьбы (в противовес детерминистско-рационалистическим презумпциям Просвещения).

Главное отличие геополитического сценария от цивилизационного связано с установками "государственного одиночества". Цивилизационный сценарий исходит из картины упорядоченного, структурированного мира, в котором над каждым суверенным государством возвышается некая суперсистема - цивилиза-

ционный свод высших принципов, которым подчиняются все нации и государства, создавая тем самым стабильное пространство предсказуемости.

Геополитический сценарий исходит из другой, номиналистической презумпции, согласно которой действительной реальностью являются изолированные организмы государства, ведущие трудную и опасную борьбу за выживание, а вся цивилизационная суперсистема - международное право, "новый мировой порядок", единые общечеловеческие интересы и т.д. - представляют собой всего лишь риторику, отбрасываемую в роковые часы судьбоносных решений.

Надо сказать, что интуиции геополитического сознания в чем-то существенно корректируют ощущение застрахованности от хаоса, свойственное цивилизационной идеологии. Не случайно геополитический тип сознания однажды уже оживился накануне Первой мировой войны, а пик геополитических изысканий пришелся на 20-30 гг. и центром их стала поверженная, "изгойная" страна Запада - Германия...

В 90-е годы вновь оказалось вполне возможным то, что казалось вовсе невозможным ("навсегда преодоленным") с позиций цивилизованного порядка. Взять хотя бы проблему границ: она представлялась "навсегда решенной" в Европе, во-первых, в силу особенностей ядерной эпохи, в которой всякая насильственная ревизия границ чревата всеобщей катастрофой, и, во-вторых, в силу закрепления сложившейся после Второй мировой войны геополитической структуры мира системой общепризнанных договоров. Обвал 90-х годов показал, что и в ядерный век государства и народы лишены гарантированного пространственного, геополитического статуса: древние архетипы грозят восторжествовать над понятием нового мирового порядка.

Аналогичной оказалась судьба и многих других цивилизационных приобретений человечества. Демоны изоляционизма, авторитаризма, братоубийственных конфликтов и кровавой мести казались навсегда "заклятыми" и закованными цивилизационным разумом. Но стоило распастись послевоенной "биполярной" системе, как они тотчас же проснулись и потребовали человеческих жертв. Это же относится и к другой презумпции цивилизационного сознания, касающейся солидарного мирового сообщества. Вчера еще казалось, что в современном "идущем к единству" и взаимозависимом мире система мирового порядка представляет надежную реальность, а мировое сообще-

ство - ее гарант, мобилизующий свою энергию для защиты единых политико-правовых норм и гуманистических подходов.

Однако стоило лишь распастся биполярной структуре мира, как появились "мягкие" в геополитическом отношении пространства, и сразу же проявился "неразумный эгоизм" больших и малых государств, готовых "прибрать их к рукам", не оглядываясь ни на какие международные нормы и мнение мирового сообщества.

Так стал оправдываться пессимистический реализм геополитического сознания, открывающий необузданное государственное самовластие в мире, не имеющем гарантий.

Парадокс новейшей истории состоит в том, что биполярная структура мира, несмотря на свои ужасающие издержки, связанные с бессмысленно расточительным соперничеством двух сверхдержав, все же больше соответствовала ожиданиям цивилизационного сознания, касающимся мирового порядка, стабильности, предсказуемости и "единых пространств", чем нынешняя бесструктурность, грозящая переделит границы и похоронит всякий перьядок. Достоянием нашего новейшего, обретенного в 90-е годы опыта, является осознание того, что понятие мирового порядка включает в качестве необходимого компонента момент *силового контроля*.

Связанные с этим понятием парадоксы состоят в следующем.

Во-первых, крупные державы, обладающие большим потенциалом взаимного разрушения, ведут себя, как правило, более сдержанно и ответственно, чем мелкие. Во-вторых, мировой порядок - не столько имманентная структура, сколько результат внешнего контроля со стороны крупных государств - организаторов единого пространства. Словом, мировой порядок - не столько продукт либерально-демократического комплекса, связанного с идеологией свободы, равенства, братства, терпимости и консенсуса, сколько наследие старой римской идеи *контролируемого пространства* - как части глобального пространства.

Разрушение "римской идеи" под любым предлогом, в том числе и с позиций либерально-демократической благонамеренности, чревато, как уже показал опыт "парада суверенитетов" в бывшем СССР, провалами в доцивилизованное состояние "борьбы всех против всех".

Постсоветский опыт "вхождения в Европейский дом" показал и другое: римская идея сразу же оказывается безнадежно утопической, если исходить из постулатов единого Рима - моноцен-

трической мировой системы, контролируемой из единого центра. Первый Рим постоянно существовал лишь в противопоставлении остальной "варварской" периферии, и даже великая надгосударственная идея христианства не выдержала тяжести разносистемных начал и раскололась на западный и восточный варианты.

Со времен распада Древнего Рима на Восточный и Западный в мире существуют, по меньшей мере, два Рима - две качественно специфичные стратегии организации геополитического пространства, приспособленные соответственно к западно-христианской и восточной (православно-мусульманской) частям ойкумены. И если в первой в ходе напряженных межгосударственных, межнациональных и межклассовых "разборок" сложилась относительно устойчивая структура, обеспечивающая взаимное признание, вторая часть в значительной степени сохранила разбросанность и гетерогенность местных и частичных образований. Если на протяжении многих веков западное и восточное "крылья" христианства не смогли преодолеть, казалось бы, второстепенных по отношению к столь возвышенной идее различий, то насколько вероятно установление устойчивой основы единства в настоящее время?

Интеграция каждого из этих двух типов пространства требует разных стратегий. Иллюзии правящих российских "демократов" связаны либо с постулатом демократической имманентности мирового порядка, якобы целиком построенного на взаимном согласии, а не на "римской идее" внешнего контроля со стороны сверхдержав, либо с постулатом американоцентричного мира, контролируемого из единого центра.

Альтернативы российских державников - адептов жесткой геополитики - могут быть связаны либо с римской идеей сверхдержавы, организующей евразийское пространство согласно новому разделу сфер влияния между западным и восточным "Римом", либо с "романтической" геополитической концепцией государственного одиночества и самоизоляции России в мире, не имеющем гарантий.

II. Геополитическое и цивилизационное самосознание России: точки пересечения

Воюя с великими цивилизационными традициями во имя "интернационального единства" и создания "нового мира", бьют-

шевистский режим создавал предпосылки обвальнoй архаизации - провала в этноцентризм и локализм, как только обнаружится тщета коммунистической утопии. Именно это и произошло сегодня. Стратегия евразийского строительства в постмодернистскую эпоху состоит в том, чтобы своевременно подготовить замену обесцененного новояза социалистического интернационализма языком, востребовавшим великие письменные традиции цивилизаций Евразии. Исцеление от тоталитарного недуга связано не с жесткой терапией вестернизации, а с созданием условий для восстановления собственных защитных сил незападных цивилизационных общностей.

В чем может проявляться геополитическое сознание России в качестве сверхдержавы, характеризующейся острым чувством ответственности за наследуемого в течение веков евразийское пространство? Здесь невозможно игнорировать глобальные геополитические модели, разработанные Маккиндером, Спайкменом, Козном и другими геополитиками. Речь идет не об искусственных конструкциях, а о прояснении, актуализации в нашем сознании реальной геополитической дифференциации мира, с которой мы так сжились, что не замечаем ее, как не замечаем нашего тела, пока оно еще в здоровом состоянии. Главная дихотомия, из которой исходят эти политологи, носит достаточно традиционный характер. Она связана с различием между морскими и континентальными державами. На глобальном уровне это означает деление мира на две полусферы: сухопутную (континентальную) и морскую. В контексте этого деления мира один регион выступает как имеющий ключевое значение - Евразия. Согласно геополитической теории, это - центровое пространство мира - *хартленд*, противопоставленный океаническому *римленду*.

Коренное различие между океанической сферой и евразийским хартлендом состоит в том, что первая является мозаичным, полицентричным пространством, тогда как второй образует монолит, представленный одной - двумя сверхдержавами. Не случайно главная забота держав атлантического "римленда" состояла в том, чтобы воспрепятствовать союзу "держателей" хартленда - Германии и России. Иными словами, в глазах западных геополитиков, угроза со стороны России связана с тем, что она является носителем евразийского монолита, геополитическая масса которого во много раз превышает разрозненную массу океанических государств.